

ЛАНА ЛАНИТОВА

ЦАРСТВО ПРЕЛЮБОДЕЕВ

РУССКИЙ ЭРОС

Продолжение романа «Глаша»

Лана Ланитова
Царство прелюбодеев
Серия «Глаша и Владимир», книга 2

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22115493
Царство прелюбодеев. Роман / Лана Ланитова: Accent Graphics
Communications; Montreal; 2016*

Аннотация

«Царство прелюбодеев» – это продолжение эротического бестселлера Ланы Ланитовой – «Глаша».

Новый роман автора можно назвать эротико-инфернальным. Книга представляет собой смешение нескольких жанров: откровенного эроса и приключений в духе «плутовских» романов, мистики и эротического фэнтези.

Владимир Махнев – главный герой романа, сердцеед и развратник, волею судьбы попадает в "Ведомство демона прелюбодейя". Он и не ожидал, что новая жизнь в потустороннем мире, мире призраков окажется столь необычной, полной сюрпризов и новых эротических приключений. Секс с дьяволицами, дриадами, русалками, рукотворными нежитями, выпаренными в лаборатории специально для плотских утех – это далеко не полный перечень его похотливых деяний в "Царстве прелюбодеев". Демон, по имени Виктор, толкает нашего героя на все новые грехи и одновременно проводит

с ним "воспитательную" работу. Чем закончатся приключения Владимира? Выдержит ли он все искушения и испытания? Сделает ли демон его своей «правой рукой» в соблазнении неопытных душ – пока остается загадкой.

Книга изобилует откровенными эротическими сценами и содержит ненормативную лексику.

Категорически не рекомендуется юным читателям в возрасте до 18 лет.

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	12
Глава 2	56
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Лана Ланитова

Царство прелюбодеев

Предисловие

Дорогие мои читатели, герои этой книги, их приключения и злоключения, радости и страдания, любовь и греховные деяния, а равно и фривольные, а порой и необузданные полеты авторских фантазий имеют свою предысторию. Она изложена в романе «Глаша».

Если вы еще не читали этого романа, то позвольте мне, как автору, внести небольшую ясность в ваши светлые головы и поведать его краткое содержание.

Жил-был молодой человек. Звали его Махнев Владимир Иванович. Он был умен, хорош собой, великолепно образован, имел изысканные манеры и славился обольстительными речами. Он даже умел сочинять недурственные стихи. К тому же он был достаточно богат и знатен. Все перечисленные качества не могли оставить равнодушным ни одно женское сердце. Скажем прямо: женщины буквально сходили с ума от нашего героя. И было, отчего... Кроме перечисленных достоинств, Владимир Иванович имел еще одно немаловажное – он был великолепным любовником. Многие дамы сочтут сие достоинство едва ли не самым значимым для мужчины.

Надобно сказать, что родился наш герой в России, в первой половине 19 века, в Н-ском уезде Нижегородской губернии. Проживал он вместе со своей матушкой в довольно богатом поместье и являлся распорядителем более двух тысяч душ крепостных крестьян.

Богатое поместье с виду казалось обычным, но на деле:

«...С постороннего взгляду Махнево было богатым и знатным поместьем. Все, как положено: господа важные, благородные, сами собой – гладкие. Чаи на террасе попивают, разговоры ученые ведут. И все-то у них красиво и аккуратно: дома крепкие, сады и цветники ухожены, скотина откормлена, лошади крупастые. Да и мало ли еще каких приятностей и безделниц для услады глаз хозяйских имеется. Всего не перечислишь...

Только слава дурная за именем водилась, и не то, чтобы слава, а так – слухи ползли, один нелепее другого. А слухи эти душком серным пахивали. Но кто у нас слухи-то пускает? Ясное дело: бабы глупые, а им набрехать – раз плюнуть. Они любого ославят, сплетен до небес насочиняют. Говорили, что барин Владимир Иванович во Христа праведного не верит, в церкву не ходит, а ведет себя, как отродье бесовское... Говорили, что он – то ли сектант, то ли молокан, то ли отступник. Потому, как без чести и совести завел у себя гарем, словно султан иноземный. Говорили, что много девок и баб со свету спровадил, иные брюхатые от него ходют, во чревах отродья бесовские носят... Говорили,

что бесы наградили его удом огромным – почти до колен, и что удище этот окаянный покоя барину ни днем, ни ночью не дает: во все тяжкие с головой уводит...»

Молодой помещик Махнев Владимир Иванович, искусственный эстет, получил великолепное столичное образование и имел «вольные» взгляды на многие философские и жизненные вопросы:

«...Вы слишком зашорены общественной моралью. Она не дает нам воли для фантазии и смелости поступкам. Отбросьте все приличия, что навязало общество. Постарайтесь получить удовольствие от природы и тела своего, как это делали эпикурейцы. Наслаждайтесь, а не страдайте. Человеческий век так короток... И мы исчезнем очень скоро, о нас забудут быстро другие поколения живых. Было бы глупо не вкусить плодов на щедром столе познания наслаждений. В моих философских взглядах полно эклектики. Одно скажу: мне ближе те, что учат человека не страданияю, а счастием... Надеюсь, вы помните знаменитую строчку у вашего любимого Байрона: «Мудрецам внимают все, но голос наслажденья всегда сильней разумного сужденья!»

Позвольте и вы себе побыть счастливой и вкусить сладость запретных плодов. Поверьте, эти яблочки намного вкуснее нашей антоновки...»

В сетях искусственного сластолюбца оказалась нежная и

неопытная Глафира Сергеевна – сирота и дальняя родственница Махневых. По мере того, как крепла любовь Глаши к своему соблазнителю, ей все более очевидным становилось то обстоятельство, что ее возлюбленный одержим неведомой, почти дьявольской силой.

Так ли это, или нет – мы узнаем, лишь окунувшись во все приключения нашего героя. Но, что касается Глаши и других действующих лиц этой странной, во всех смыслах истории, то все они были твердо уверены в том, что только дьявол мог толкать дворянина Махнева на похотливые деяния и бесчестные поступки.

Владимир Махнев не только любил заниматься развратом в своей «знаменитой бане», но и был пристрастен к опию и гашишу. Среди части европейской аристократии той эпохи была очень популярна так называемая «опиумная культура», пришедшая из стран Востока.

Владимиру были симпатичны восточные традиции. Он часто цитировал Байроновского «Дон Жуана», который побывал в Османском гареме. Он и сам мечтал о «восточной деспотии» и завел своеобразный гарем из русских Лушек и Марушь.

Порочные мечты и вседозволенность привели главного героя к пресыщению женским полом. Он выписал себе из Турции «живую игрушку» – несчастного кастрата, по имени Шафак. Но и греховная любовь к юноше быстро закончилась – у Владимира нет долгих пристрастий. Волей судьбы Шафак

и стал его «главным проклятием». Юноша из ревности убил своего господина...

«...Последнее, что увидел пред собой Владимир Махнев – было лицо любовника Шафака, искаженное страшным гневом. Обезумевший от одиночества, тоски и ревности, маленький несчастный юноша, словно хищный зверек, выдавив окно парной, пробрался внутрь барского Вертепа. Смуглые пальца иноземца крепко сжимали булатный кинжал. Владимир безмятежно спал, развалившись меж двух пышных красоток. Турок, ослепленный мстью, подошел к нему и одним махом перерезал горло.

* * *

Прошло около получаса... От бревенчатой, плохоосвещенной стены, на которой роились странные ночные призраки, отделилась высокая фигура... Это был господин в темном, длинном плаще, черный цилиндр бросал тень на невидимое лицо. В комнате запахло сыростью и летучими мышами. Гулко прозвучали его шаги... Невероятным было то, что никто из обитателей барского Вертепа не слышал и не видел этого странного господина. Все спали, и сон их на тот момент внезапно стал мертвецки глубоким. Один из присутствующих прелюбодеев, истекая алой кровью, струящейся из глубокой раны на белую простынь, уснул уже навсегда...

Темный господин осмотрелся и медленно подошел к Владимиру.

– Ну что, мой сельский Казанова с душой поэта и с привычками султана... Я думаю: увидимся мы снова – дитя порока и слуга кальяна. Мой дерзкий лицедей и чуткий кукловод, софист и циник... Bravo! Славно! Ты славно потрудился на меня. И ждет тебя роскошная награда...

Он присел на край постели, рука, облаченная в темную перчатку, погладила русые кудри и бледный лоб Вольдемара, закрыла серые стеклянные глаза.

– Ты отдохни немного, минет век один – я разбуджу тебя и снова вдохновлю на подвиги лихие Дон Жуана. Немало слабых душ ты погубил – доволен я тобою, Вольдемар! Посты, сынок. Не смог я уберечь тебя. На время выйди из игры... Но помни: скоро я вернусь. Нас ждут с тобой великие дела!

Темный господин запахнул полу длинного плаща, его высокая фигура затрепетала в полумраке комнаты, воздух содрогнулся огненным вихрем – раздался громовой хохот, и господин пропал – будто его и не было. Свечи потухли, вокруг воцарилась зловеющая тишина. Банная горница наполнилась едким запахом серы...»

Нередко романы заканчиваются смертью главного героя. Особенно если герой отрицательный. Часто сие печалит читателя, ибо, не смотря ни на какие проступки, герой становится близким, симпатичным и даже вызывает сочувствие.

Реже успокаивает, ибо негодяй, грешник и злодей наконец-то получает по заслугам.

В нашей истории все иначе: смерть героя – это не конец, это – начало новых, неожиданных приключений. И кто знает, куда они приведут...

Глава 1

«Я – часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо».

Иоганн Гёте «Фауст».

«Господи, какая сильная боль, я не могу глотать, а кровь... откуда столько крови?» – пальцы нащупали липкую, скользкую лужицу. – Мама, помоги мне!» – прокричал Владимир Махнев, но странное дело – он не услышал собственного голоса, – «Шафак, ты сошел с ума, негодный мальчишка! Как ты посмел? Зачем ты порезал мне горло? Ты мог меня убить! Чем остановить кровь? Надо взять полотенце. Почему все спят? Игнат, друже, проснись! Смотри, что сделали со мной!»

Он кричал, взывал к помощи – ответом была полная тишина. Все спали так крепко, будто впали в безумную летаргию, или их «обвели мертвой рукой». Ватные ноги понесли к другу, слабеющая бледная ладонь стала трясти плечо спящего.

– Игнатушка, проснись. Мне очень больно. Надо перевязать рану, – Игнат не пошевелился. – Ну что ты, перекурил опиума? Проснись же, я тебе говорю! Ты слышишь, мне очень больно! Это – сумасшедший Шафак! Его надо поймать. Иначе он наделает много глупостей. Горячий мальчиш-

ка!

Он искал чистое полотенце или простынь – надо было скорее перевязать рану. И тут взгляд упал на то место, откуда он так быстро соскочил. «О, боже! А кто это лежит на моей кровати рядом со спящими бабами? Он похож на меня. И у него тоже на горле кровь. Я ничего не понимаю. Кто это? Я тут, а он – похожий на меня – лежит там». Липкий страх, предчувствие и осознание беды, жалости к себе вмиг охватили душу. Он дрогнул всем телом, зубы застучали так громко, что казалось, в голове раздалась барабанная дробь. И к этому грохоту присоединялась неослабевающая боль. Он не помнил, когда плакал последний раз, похоже, это было в далеком детстве: он сильно шалил, и его наказали. Ему тогда было пять лет – этот эпизод хорошо врезался в память. Его посадили в темный чулан, оставив без сладкого. Тогда маленький Володя плакал – это были слезы от обиды и жалости к себе. Он возненавидел гувернера, поступившего так, по его мнению, жестоко. Ненависть через месяц принесла свои плоды – гувернера уволили по настоятельной и отчаянной просьбе маленького барчука. Володя не прощал обид. Именно тогда, в чулане он плакал крупными горячими слезами, осознавая чудовищную несправедливость «взрослого мира», которому он, по малолетству, не мог дать должного отпора.

Вот и сейчас появилось такое же странное чувство беспомощности и по-детски острой обиды. Слезы потоком лились из глаз. Ноги ослабли, и он бухнулся на деревянный пол. Его

все время тянуло посмотреть на кровать. «Кто на ней лежит, если я тут? Как плохо. Хоть бы эти олухи проснулись. Дорвались до моего зелья. Хватит, не буду их больше угощать. А Игнат-то хорош! Спит как убитый».

Будто в ответ на его болезненные, полные глухого отчаяния мысли, верный друг приподнял голову, мутный взор заплавленных глаз уставился на бледного человека, лежащего на кровати. Хриплый крик вырвался из груди заспанного приказчика, он резко подскочил. Тут же, разбуженные шумом, проснулись и голые девицы. Их оглушительный визг походил на поросячий, резкие движения голых тел выглядели столь омерзительно, что Владимир отвернулся, с трудом подавляя отвращение. «Чего они все смотрят на того мужчину на кровати? И хоть бы один из них посмотрел в мою сторону!»

– Может, хватит? Вы что, все разом оглохли и ослепли? Или оглупели от сна? Я же тут. Игнат, помоги мне! – но его крика снова никто не услышал.

Не обращая внимания на растерянные движения испуганного Игната и лихорадочное одевание проституток, на мельтешение голых рук и ног, на распущенные, нечесанные патлы их вмиг подурневших голов, на волосатые, без сапог ноги своего друга, он подошел к кровати. Все участники оргии пялились на то место, где лежал этот странный человек с кровавой раной на горле. Владимир пристально посмотрел на него. Чем сильнее он вглядывался в его черты, тем становилось очевидней – там лежит его двойник! О, боже! Неуже-

ли, это – Я?!

И в этот момент до слуха долетели сначала негромкие, а потом все более отчетливые звуки. Словно тысячи медных и серебряных труб взорвали пространство. Эти звуки не собирали стройной, гармоничной мелодии – однообразный серебряный гул становился все сильнее и гуще. Но величие, мощь, значимость этих звуков говорили о том, что ранее он не слышал ничего подобного. Они приводили в состояние экстатического ступора и проникали в душу, неся с собой покой, умиротворение, осознание безграничного счастья. Он снова почувствовал, что плачет. Но это были слезы неопишуемого восторга.

Одновременно со звуками стал светлеть и таять потолок темной деревянной крыши. Свет шел откуда-то сверху, будто с неба. Он манил, становясь все ярче и мощнее. Он выглядел словно огромный голубоватый столб. В нем медленно плавали пылинки, пространство внутри столба искрилось, стекло и существовало по своим, никому неизвестным законам. Голубой поток мерцал так ярко, что вся комната до самых последних углов осветилась лучше, чем в солнечный летний день.

Владимир вздрогнул, тело завибрировало словно струна, и его неумолимо потянуло навстречу этому яркому, манящему свету. Он почувствовал: ноги оторвались от деревянного пола. Как здорово, он взлетел! Неужели, теперь он умеет летать?

«Я ощущаю себя легким, словно пушинка», – подумал он и рассмеялся от удовольствия.

Где-то на самом верхнем горизонте голубого марева проступили едва различимые, воздушные, словно облака, удивительно прекрасные образы. То были женские или детские лики. Они улыбались ему так, как не улыбался никто: мило, кротко, с радостью. Так улыбаются самые близкие и любимые существа. Владимир пригляделся – головки поддерживались пухлыми, молочно-белыми телами. Мягкие крылышки, покрытые кудрявыми перьями, прятались за круглыми спинками, дальше шли нежные полусферы голых ягодичек и короткие ножки с растопыренными пальчиками и розовыми пятками. Они не только приветливо улыбались, их толстые, с перетяжками, как у младенцев ручки, манили к себе. Крылышки трепетали чаще, чем крылья птиц, их звук напоминал мягкие хлопочки – казалось, они были рады Владимиру, а оттого так суетились. «Это – ангелы! Как хорошо! Господи, я иду к тебе!» – прокричал Владимир, увлекаемый мощным потоком лучезарного эфира. Ему никто ничего не объяснял, но он интуитивно понял: «Мне надо лететь туда, домой. Туда, куда стремятся все души».

– Куда ты, дурашка! Куды собрался, родимый? Эх, вовремя я успел! Опять эти сопли, пух и световые фейерверки! Хоть бы немного разнообразия. Господа, вы устарели. Ну, невозможно же – из раза в раз – одно и то же. У меня сейчас начнется чих и слезотечение. – Чья-то сильная и грубая

ладонь схватила Владимира за рукав, встряхнула и поставила на грешную землю. Сразу же вернулись боль, тяжесть и страх. Страх снова заставил зубы стучать. – Кыш-кыш отседа! Не по адресу, господа! Опять ошибочка вышла... Господин Махнев приписан к моему ведомству, причем без всяческих сомнений и предварительных расследований.

Раздался громкий и бесцеремонный хохот. Незнакомец дунул в сторону голубого столба и снова дернул Владимира за рукав.

– Нет, сокол мой, нам с тобой не туда! Нам совсем в другую сторону.

– Куда? – голос дрожал от страха.

– Куда? В Геенну Огненную... А что такое? Ты чем-то не доволен? – незнакомец хмыкнул.

В тот же миг голубой столб стал трепетать, бледнеть и укорачиваться. Углы комнаты вновь заволокло сумраком. Раздался короткий, словно обрезанный трубный звук, чирикнули возбужденные ангелы. В их беглых прощальных взглядах прочиталась такая печаль, что Владимир в очередной раз содрогнулся от непостижимого, безвозвратного горя, предчувствия неминуемой катастрофы. Раздался мягкий хлопок, и столб исчез – будто его и не было.

– Пойдем! – властно изрек незнакомец, – нам лучше уйти до рассвета – легче будет путь.

– Я не хочу, я не пойду с вами! – голос Владимира прозвучал слабо, просительно, почти трагически. – Отпустите,

умоляю!

– Отпустить тебя? Ты в своем уме? Хозяин приказал доставить тебя к месту назначения, причем без проволочек.

– Отпустите, а!

– Да не дрожи. Смотреть противно... Где твоя гордость? Лоск, бравада, Вольдемар? Куда исчезло все? Неужто это ты – губитель женщин, любитель рифм, софист, философ, лицедей? Стыдись, от страха ты покрылся потом и дурно пахнешь... Где же твой парфюм? Ну ладно, я тебе потом его пришлю. Что братец, страшно? Ну, а как ты думал? – незнакомец рассмеялся. – Уж сколько раз бывал я порученцем, гонцом, конвойным, стражем, наконец: и всякий раз бываю я довольным. Чего греха таить? Мне сладок этот крест! Замечу, из пристрастия к тебе, к твоей натуре тонкой я буду иногда, когда нахлынет рифма, увлекать тебя стишками. Ты не против? – прозвучал нарочито дурашливый вопрос. – Хотя по части стихоплетства, я признаюсь, ты пальму первенства на финише возьмешь... Но, от судьбы своей, дружок, теперь-то ты уж точно не уйдешь.

Владимир опустил на стул и покосился на мужчину. Темный плащ полностью скрывал его высокую фигуру, лица почти не было видно, вернее, создавалось впечатление, что его визави прячет взгляд.

– Скажите мне... я умер?

– Ну... как тебе сказать, ты умер, но живой, – вяло отозвался собеседник.

– Не понял?

– Куда тебе понять? Твои познания не далее стихов и глупых рассуждений об удовольствиях идут. А дальше глянуть было лень?

– О чем вы? Я не понял снова.

– Не понял он. Вот зарядил, как Попка-попугай! Хотя лекцию тебе читай... А ведь по части лекций это – ты у нас мастак. Забыл, как глупой Глашке лекции читал? Стоял я рядом и от смеха умирал. Нашелся лектор по анатомии! Ты приуныл? Пожалуй, я к тебе необъективен. А лекция была чертовски хороша! Тебя я незаслуженно обидел. Прости меня, любимая душа, – произнес он с умилением. – Нет, если б не по нраву мне были лекции сии – меня бы рядом не было с тобой. А так, как ни крути – ты мой и только мой...

Господин в темном плаще явно упивался своей речью:

– Придется просветить тебя немного, ведь предстоит нам дальняя дорога. А ты меня расспросами измучишь. Изволь, все в краткости получишь. От долгих перораций я устал. Так вот: душа – бессмертная монада. Хм... корпускулы, молекулы... но это нам не надо... Слушай, мне скучно все это жевать. Тебе уж тридцать лет, пора бы было знать, что знает каждый смертный человек: уж сколько не умри – душа жива вовек. Ну, а тела – что в шкафчике одежда. Надел, носил и бросил. Чего о них жалеть? Ты понял?

– А я думал, это – выдумки, – обескуражено молвил Владимир.

– Вот-те, на! Выдумки! А ты подумал: жизнь, она – одна, и надо бы прожечь ее сполна. «Кто спросит?» – думал ты, – «нет Бога, нет и Сатаны?». Глупец! А что попы у вас «Закон» читали? А, я забыл, ты ж церкви избегал... И правильно делал, – удовлетворенно крякнул он. – Кстати, попы вещают о другом – мол, душа живет ОДНАЖДЫ. А после – две дороги: в Ад иль в Рай. Что более по вкусу – выбирай, – он снова хмыкнул. – Не мне судить попов. Не моя прерогатива, к сожалению, но то, что говорят они, порою... заблуждение. И каждый смертный отмечает многие рождения. Душа меняет лишь тела и опыт вечный обретает. Ладно, я потом подробней расскажу, как время будет. Короче – каждый грешен человек. Шаг сделал – счет ведется, судьба, как ни крути, за ним крадется. Хотя, о чем я? Ты же в университетах учился. Или не учился больше, а глумился?

– Над кем?

– Я замечал, над всеми: над товарищами, профессорами и даже... – голос незнакомца сделался нарочито зловещим, – над отцом духовным. Тебя тянуло к действиям греховным. Последним обстоятельством доволен я весьма.

– Неправда! Кто вам это рассказал?

– Опять сморозил глупость. Секрет тебе открою: я всюду рядышком бывал! Я, почему упомянул твое учение? Ты должен знать грехов перечисление – семь смертных человеческих грехов. Фому Аквинского¹ читал? А свод Григория

¹ Фома Аквинский (1225–1274) – философ и теолог, систематизатор ортодок-

Великого²? Сии мужи, но я – не их поклонник, «оформили научно» семь грехов. Приврали понемножечку фривольно. Но список по сей день таков: похоть (он же – блуд), обжорство, алчность, уныние, гнев, зависть и гордыня. Ну что, доволен? Ведь ты же это знал... Знал, но не верил? Ладно, я устал. А мне еще придется столько говорить. Как голос бы с тобой не посадить. Пойдем скорее. Все потом. У нас с тобою будет целый век. Я уболтаю тебя, глупый человек!

– Подождите, можно я прошусь?

– С кем?

– С... моим телом.

– Во, а ты сентиментальным оказался. Надо же! Ну иди, простись. Только недолго.

Владимир подошел к мертвому телу. Несмотря на ужасающую бледность, оно все еще было красивым. Заботливая рука друга прикрыла кровавую рану кружевным платком. Алые пятна живописно вспухли на французской вязи белого изысканного кружева. Русые локоны слиплись в тех местах, где пролилась кровь, длинные ресницы неплотно прикрывали веки, обнажая край серого, потухшего взгляда. Уголки губ скорбно опустились вниз, темная струйка сочилась по заострившемуся подбородку. Профиль стал резче, тоньше и

сальной схоластики, учитель церкви. Концепция семи смертных грехов получила распространение после его трудов.

² Григорий 1-й Великий (ок.540–604) – 64-й Папа римский, «Двоеслов». Читается Церковью, как ее учитель. В 590 г. он внес коррективы в список семи смертных грехов

прозрачней.

– Ах, какой кровавый натюрморт! Его можно назвать: «Бургундское на скатерти», или «вишни в сливках», или «снегири на снегу». Ладно, что – то я увлекся не на шутку. Важность момента, а я глумлюсь над бедным мальчиком, – шутовски проговорил незнакомец и притворно всхлипнул.

«Маман! Моя мама увидит это и умрет от горя. Она ведь не знает, что я не умер... до конца», – удрученно размышлял Владимир.

– Смотри, ха-ха, Игнат как испугался! Какую деятельность бурную развел! За лекарем послал. Идиот! Надо за священником, родимый, посылать, а он за лекарем – едрёна мать!

– Зачем вы так? Он – друг мой, он расстроен.

– Да?? Это он пока... Сейчас жандармы быстро набегут, и казака в тюрягу упекут. Подумают, что он тебя пришил, ведь он с тобою только и грешил.

– Как? Так он невинно пострадает. Ведь, убил меня не он, а Шафак! Ах, как он мог? Я так его любил!

– Ну вот, опять ты нюни распустил! Любил он... Никого ты не любил. Не зли меня! Помнишь, тебя твоя подружка просвещала... ну эта... Как её? Кудрявая? – Мари! Она же оградить тебя хотела от сложностей... мужской любви. Патрицием тебя звала и даже восхищалась покупкою «игрушки»... Жаль, не поверил ты своей подружке. Кастрат-то оказался так жесток! Хорошим содомита был урок!

– Подождите, у меня до сих пор горло болит. А вы сказали, что я умер. Что-то здесь не так.

– Не так? Да просто ты – чужак и многого не знаешь, а потому не веришь мне. Так слушай: только умер человек, уж душу тянут к месту назначения, у каждого оно – свое, согласно «Табели о рангах». Про ранги я шучу. Но смысл в том – душа уж воспарила, а тела боль в ней пару дней еще гудит. Не то чтобы гудит, скорей – зудит. Скоро боль пройдет, один лишь шрам останется и то, если свой облик прежний сохранить ты пожелаешь. На мой взгляд: у тебя славное тело, недаром все женщины тают при виде его. Посмотри, какой красавчик! А эта скотинка Шафак такую плоть испортил. Будет время – я им займусь отдельно, чтоб неповадно было всяким туркам русских убивать господ... Да черт с ним, пусть пока живет.

– Подождите.

– Ну, что опять? Какие вновь уловки? Тебе охота стать привидением иль дедом Банником при бане? Поверь, эти доли не твои и не принесут тебе удовлетворения. Твое – совсем иное назначение.

– Подождите, а зачем был этот свет и ангелы меня манили? Я видел, они были рады мне.

– Рады? Эти белоголовые канарейки, эти пуховые курицы, эти толстые, бесполые создания? Да они только делают вид, что рады. Они рады каждому. Позовут, помянут, обнадежат. А там Старик тебя начнет журить, картинки жизни совать

под нос, где ты грешил. Ты станешь искренне оправдываться, страдать, унижаться, давать обещания, плакать, каяться. А что в итоге? В итоге – тебе прочитают длинную проповедь, унизят и растопчут морально, а это – такой удар по самолюбию... А самолюбие твое ох, какая ценная субстанция. Но об этом позже. Ты выслушаешь все смиренно, падешь на колени, будешь надежды лелеять. В итоге – Старик улыбнется по-вольтеровски и скажет: «Нет милоч, не заслуживаешь ты рая... Иди, поучись малость, тогда приходи!» А? Какое? Небеса разверзнутся, и полетишь ты в Преисподнюю, а ангелы на прощание еще ручками помашут. Ты же видел их аппетитные ручки? Вот ими и помашут и глазками голубыми посмотрят на тебя с состраданием, слезу даже пустят на дорожку. И где ты окажешься? Снова у нас. Так зачем столько сложностей, когда итог один? Зачем укоры совести? Совесть, мораль – обветшалые понятия. Ты и сам не раз об этом говорил. Твой монолог об узости морали, когда ты Глашку на распутство соблазнял, я поместил в почетные скрижали. У демонов своя есть тайная скрижаль. А, впрочем, хватит! И времени на пустословие мне жаль! – чувствовалось, что новый собеседник сильно нервничал. – Не морочь голову ни мне, ни себе. Я так возмущен твоим вопросом, что даже рифмы подобрать не смог! Еще раз говорю: не зли меня, сынок!

– А... я что-то стал припоминать. Пока я спал, приходил какой-то господин. Он говорил, что мной доволен, награду обещал. Так как? – с надеждой возразил Владимир.

– Ты, братец, не дурак. Припомнил все! Это был наш Хозяин. Я здесь по его поручению. Награду получишь, всему – свое время.

Владимир снова почувствовал на себе цепкие пальцы. Теперь их хватка стала почти железной. Незнакомец потянул за рукав, увлекая его к окну. Дрогнули деревянные, крепко сколоченные рамы. Игнат и полуодетые женщины с ужасом увидели, как оконная створка открылась сама по себе, треснуло и расколосось стекло, со странным звонким, почти мелодичным дребезгом разлетелись по полу мелкие осколки. Из ночи потянуло запахом сырой земли и могильным холодом, две темные тени, похожие на сизый печной дым вылетели в окно. Игнат побелел. Трясущиеся от похмелья пальцы, соединившись в троеперстие, принялись лихорадочно осенять крестным знаменем грешные тела прелюбодеев. В затуманенных мозгах всплыли обрывки, забытых некогда молитв: «Отче наш, иже еси на небесех!» Одна из девиц всхлипнула и громко взвыла: «Мамочка! Господи, спаси и сохрани, и помилуй меня, грешную!»

На востоке начала алеть ранняя заря, притихший перед рассветом лес дышал ночной свежестью, туман обильно увлажнил все живое на земле. Трава, цветы, изумрудный бархатный мох и даже пестрые спинки спящих ужей и лягушек покрылись каплями утренней росы. Тонконогие птицы сонно качались на ветках, пережидая густую темноту, они сожалели о том, что ночь перекрывала их многоголосые ру-

лады. Их крохотным, легким душам так хотелось жить и петь, что сумерки воспринимались ими как досадное недоразумение, после которого опять придет новый солнечный день.

Владимир ощущал упоительное чувство полета, он летел рядом с темным господином. Его ноги едва касались верхушек берез и сосен, густая листва шелестела от прикосновения кожаных сапог. Он словно бы шел по живому, темно-зеленому ковру. Запахи ночных трав и цветов будоражили чувства. Он еще не покинул этот мир, а ему было невыносимо грустно от предстоящей разлуки. Казалось, отпустили бы его на землю – он кинулся бы целовать каждый листик, каждый куст и травинку. Он бы побежал просить у всех прощение... «Я хочу в церковь, к бабушке. Я хочу покаяния», – печалился он. Пальцы незнакомца еще сильнее сжали предплечье, рука занемела от боли.

Что ждало его впереди? Он снова почувствовал, что плачет. Они летели над поместьем.

– Подожди немного. Можно, я гляну последний раз?

– Я устал от твоих сантиментов. Может, хватит слезливых моментов? Последний раз посмотрю, последний раз покурю, может, еще развратом дать последний раз заняться? Я уверяю: этого у тебя будет в избытке! Не делай глупые попытки. Перед смертью не надышишься, не насмотришься и в «праведники» не запишешься. Ишь, он церковь вспомнил на прощание!

– Я даже не оставил завещание!

– И без тебя, голубчик, разберутся. Не бойся, уж наследнички найдутся!

Сердце сжалось от боли при виде двух господских домов, хозяйских построек. Ноздри уловили нежный аромат яблонего сада и запах свежескошенного сена. Прощально пахнуло молоком, кофе и свежей сдобой – искусный пекарь еще с ночи поставил в печь любимые Владимиром булочки с ванилью и маковые кренделя. Где-то во дворах протяжно мычали коровы, готовясь к утренней дойке. Пару раз кукарекнул петух, норовя луженое горло к утреннему крику. Слышалось сонное бормотание прислуги, короткие летние ночи не давали долго поспать.

В глубине дома почивала его мать. Ее сон был тревожным – мучили кошмары. Она еще не знала, что наступающее безмятежное августовское утро будет самым ужасным утром в ее жизни. После него она никогда не будет рада ни одному божьему утру.

Миновав усадьбу, от которой Владимир не мог оторвать прощального взгляда, они оказались в лесу. Его спутник сильно торопился, рассвет набирал силу. Они приземлились на широкой лесной поляне. Незнакомец вдруг сильно подрос и стал шире в плечах. Он притянул Махнева к груди, словно малое дитя. Владимир почувствовал: лоб и нос уперлись во что-то очень жесткое и холодное. Словно крылья гигантской летучей мыши, запахнулись полы длинного плаща. Темный

господин задрожал, и вместе с ним вздрогнула земля. Свернутый из плаща гигантский кокон, в котором находилась испуганная душа Владимира, стал походить на диковинную куколку шелкопряда, увитую темными венами черной крови и стужками железных мышц. Этот кокон вдруг принялся вращаться, вгрызаясь в пласты травяного дерна и комья чернозема. Земля разверзлась – кокон со страшным свистом улетел в Преисподнюю, увлекая с собой несчастного грешника. На месте, куда он вошел, обгорела трава, черный дым струился в утреннем рассвете.

На горизонте показались первые лучи горячего солнца, спустя мгновение светило упруго выстрелило, приподнявшись спелым краем над божьим миром. В деревне громко заголосили петухи, горделиво перекрикивая друг друга. Начался новый день, в котором уже не было Владимира Махнева.

* * *

Было страшно: в ушах стоял свист, крики, стоны. Плавилось пространство, сыпались искры, рушились горы. Казалось, он теряет сознание. Наконец все остановилось. Он открыл глаза – вокруг стоял полумрак, пахло сыростью и мышами. Теперь его не держали цепкие пальцы, пока он был свободен. Когда глаза немного освоились в темноте, он увидел, что находится в какой-то пещере. Где-то монотонно и

гулко капала вода, было немного зябко.

– Не дрожи, я сейчас разожгу костер. Это – наша остановка. Здесь мы познакомимся с тобой. И я расскажу тебе немного о том месте, где ты теперь будешь жить, – спокойно и немного устало сообщил господин в темном плаще.

Чиркнули «палочки Люцифера»³, рассыпались искры, слышался хруст, пламя неровными языками осветило пещеру. Да, это была именно пещера. Ее таинственные своды уходили в далекие каменные галереи, их концы терялись в густой, непроходимой мгле. По обеим сторонам каменных стен были выдолблены удобные скамьи, покрытые шкурами медведя и рыси.

– Садись, отдохни с дороги.

Владимир боялся поднять глаза и взглянуть в упор на своего визави.

– Теперь можешь смотреть на меня. Я часто меняю свой облик. Ты потом к этому привыкнешь, – руки незнакомца откинули капюшон темного плаща. Владимир невольно зажмурил глаза. Он ожидал увидеть страшное лицо, покрытое темным волосом и с пятачком вместо носа. На удивление – перед ним сидел молодой, красивый мужчина. Русые, с небольшой рыжиной волосы мягкими локонами обрамляли светлое аристократическое лицо. Серые глаза, тонкий нос, эlegant-

³ Палочки Люцифера – так в 19 веке часто называли обычные спички. Считается, что первые химические спички сделал в 1805 году французский химик Шансель. Изобретение первых серных спичек приписывают английскому аптекарю Джону Уокеру в 1826 г. (Примеч. автора)

ные усы и аккуратная борода клинышком – все это произвело странное и ошеломительное впечатление на Владимира. К тому же у незнакомца оказалась стройная, широкоплечая фигура. Одет он был в костюм, какие носили при дворе короля Людовика 14, в мушкетерские времена. Плащ из черного приобрел синий оттенок, шелковая подкладка поражала ослепительной белизной. Ажурные манжеты алансонского кружева⁴ выглядывали из-под серого камзола, белый воротник с вышивкой «point de France»⁵ оттенял ровный матовый цвет кожи. Роскошная шляпа «а-ля Рубенс» со светлыми пружинистыми перьями покоилась рядом с высокими кожаными ботфортами. Казалось, что сам принц крови или знатный вельможа с Версальского двора, собственной персоной, сошел с картины знаменитого живописца эпохи Барокко.

– Что, удивлен?

– Не скрою, да...

– Ты ожидал увидеть волосатое отродье? Не обольщайся сильно, я бываю разным. Могу быть пастором благообразным, могу быть с мордой лошадиной, например. Могу одеться на любой манер. Могу... А, впрочем, сам потом увидишь,

⁴ Алансонское кружево – вид ценного ручного кружева, получившего свое название от города Алансон в Нормандии (северо-запад современной Франции).

⁵ «Point de France» – знаменитый «французский стежок», мелкий изысканный узор, вышивка по шелку. В 17 веке министр Людовика 14 Жан Батист Кольбер создал школу французского кружева, которое по красоте превосходило кружева из Венеции и Фландрии (Примеч. автора)

мой «маскарад» еще возненавидишь. Ну, а пока, вот я каков! Хорош? – мужчина приосанился. – Я тоже так считаю. Ну что же, я к знакомству приступаю. Я демон и служу я Сатане. Хозяин меня жалует вполне.

Владимир, молча, смотрел на демона. Тот продолжал:

– А если посерьезней, ты послушай. Мой прадед – Люцифера⁶ сын достойный; великий регент Самаэль⁷ – брат деда моего. От рук врагов дедуля в прошлом веке был убит... – в этом месте демон изобразил страдальческую мину и вздохнул. – Бабуля – отпрыск благородный: внучатая племянница Лилит⁸. Отец по службе продвигался резво – тому помощник дядя Асмодей⁹. А мать? Вот про нее я лгать не смею. Мамуля – смертная, но княжеских кровей, – он рассмеялся. – А дальше я не желаю перечислять своих родственников. Имя каждого из них приводит в трепет всех земных и неземных тварей. Меня самого зовут... А, впрочем, имя настоящее свое я не волен выдавать смертному. Когда ты по ступеням службы продвижение получишь, тогда откроется тебе оно. А ныне будешь звать меня ВиктОром. Да просто так – ВиктОром,

⁶ Люцифер – одно из имен дьявола в позднем Христианстве.

⁷ Самаэль – в иудейской демонологии злой дух, демон, часто отождествляемый с Сатаной

⁸ Лилит – первая жена Адама, змея. Злой дух, обычно женского пола в иудейской демонологии. Изображалась в виде высокой молчаливой женщины с длинными, черными волосами.

⁹ Асмодей – один из самых могущественных и знатных демонов. Дьявол вождения, блуда, ревности и одновременно мести, ненависти и разрушения.

лишь с ударением на слог второй. Я думаю, так проще нам общаться будет. Согласен ли ты в этом, голубь мой?

Владимир кивнул и проглотил слюну – горло до сих пор побаливало.

– Да, кстати, вот возьми пока этот шарфик и повяжи им шею – смотреть немного неприятно на рану. Она скоро заживет, и боль утихнет. Пару дней пройдет, и ты забудешь раны зуд. Но не забудешь только блуд, которым ты с кастратом занимался. Да, он не дурно постарался! – на красивых губах мелькнула ироничная улыбка.

Владимир взял в руки шелковый шарф, пахнуло знакомым одеколоном. Он повязал шарф вокруг шеи.

– Ты удивлен, почувствовав Фарины¹⁰ аромат? Ты думаешь, я только серой должен пахнуть? – глаза Виктора лукаво блеснули.

– Нет, я не думал так...

– Продолжим наши разговоры. Я расскажу немного о себе. Постараюсь обойтись без рифмы. Служу я у Хозяина уже много тысячелетий. Когда я был совсем юным, демоном неразумным, то пытался, как всякий юнец, выбрать призвание. И наконец... Нет, надоели мне рифмы. В общем, я ко многому приглядывался, многие грехи с пристрастьем изучал. То мне нравилось наказывать лжецов, то завистников, то гордецов. То к обжорам был равнодушен, то убийц пы-

¹⁰ Фарина, Иоганн Мария (1685–1766) – основатель парфюмерной фабрики в Кёльне, создатель одеколона.

тался мучить души. Тьфу, вот же напасть! Устал я от рифмы, чтоб тебе пропасть! Это же ты стишками баловался, а я – лукав и должен неразумного учить, чтоб навсегда от рифмоплетства отлучить! Ладно, буду отучать по возможности, здесь, как везде, есть свои сложности...

– Мне странно все это слышать. А дальше как? Какое же вы выбрали пристрастие?

– Мне по душе... Не удивляйся, и у демонов есть души. Так вот, мне по душе оказалось – прелюбодеяние. Блуд и похоть завладели сознанием. Я с удовольствием покровительствую тем, кто грешен в блуде. Это мой удел и моя стихия, к тому же. Я разыскиваю заблудшие души, погрязшие в этом грехе. У моего тонкого призвания столько приятных особенностей, сколько у человека блудских наклонностей. Я так долго изучал разные блудства, что сам встал на путь грязного распутства, – Виктор расхохотался, обнажив белоснежную улыбку, глаза сверкнули красноватым огнем. А может, в них отразились искры от костра.

Нависла небольшая пауза. Владимир внимательно рассматривал Виктора. Он никак не мог поверить, что перед ним сидит демон, а не смертный человек. Когда он был живым, такой обаятельный злодей мог бы стать ему настоящим товарищем.

– Все твои мысли я слышу. Я рад, что нравлюсь тебе. Хотелось бы и дальше тебя не разочаровать. Будешь мне верен – не будешь страдать.

– А я снова вспомнил... про Хозяина. Он обещал мне награду, – смущаясь, обронил Владимир.

– Какая память! Надо же, все помнит он. Хозяин слово держит... иногда, – насмешливо изрек демон.

– Нет, я помню, он говорил довольно убедительно со мной. Не мог он лгать, он правду мне сказал.

– Правду? Ну, ты рассмешил! Ждать правды от лукавых! А разве сам ты никогда не лгал крестьянским бабам, проституткам, Глашке, Игнату, матери, скопцу, друзьям? Мне список сей продолжить? Забавник, так меня смешишь. Как можно верить бесам, коль сам был в обещаньях хуже их? Ты был еще повесой, а врал уж так, что Велиал¹¹ на миг притих. Ты правды захотел? Отвечу я словами гениального пиита: «Нет правды на земле. Но правды нет – и выше»¹². Добавлю от себя лишь маленький штришок: «Её и ниже тоже НЕТ, дружок!»

Владимир удрученно опустил голову.

– Ну ладно, успокойся. Я шучу отчасти... Не будешь вредным – будет тебе счастье! Я твой наставник в этом веке тьмы. Сначала мы изучим курс учебный, а после наберешь себе очков. Коль будешь ученик прилежный – награды будут. Тут без дураков!

Костер разгорался сильнее, стало тепло. Владимир почув-

¹¹ Велиал – в Библии демоническое существо, дух небытия, разврата, лжи и разрушения. Слывет самым извращенным обольстителем и лжецом.

¹² «Моцарт и Сальери» (1830) А. С. Пушкин.

ствовал: его клонило ко сну.

– Я вижу, ты устал с дороги. Не бойся, скоро отдохнешь. Я расскажу тебе о месте, где сотню лет ты незаметно проведешь. А, в общем, слушай: это место тоже – ад. Но ад совсем не тот, какого ты боялся. Тут нет котлов с кипящей смолой, и души в них не стонут, и черти не кладут охапки дров под них. Здесь все иное, сам потом увидишь...

Последние слова демона Владимир едва слышал. Он сильно устал, дрема незаметно овладела сознанием, голова склонилась к мягкой звериной шкуре. Ему снилась вереница образов: печальные ангелы, лицо плачущей матери, растерянный Игнат, идущий под конвоем двух солдат, бледное и прекрасное лицо Глафиры. Он увидел сельский погост. Показалось, ноги коснулись земли. Стоял солнечный сентябрьский денек. Листва на деревьях немного пожелтела. Тонкие паутинки переливались и таяли в прозрачном воздухе. Взгляд скользил по могилам. Владимир подошел ближе – свежий могильный холм, комья рыхлой земли, цветы возле креста. На кресте написаны буквы и цифры... Это – его имя и годы жизни. Сердце сжалось от тоски. Он увидел плачущую мать, сидящую возле могилы. Заглянул ей в лицо. Она сильно постарела и вся сгорбилась. От прежнего кокетства и лоска не осталась и следа. «Моя смерть превратила ее в старуху. Как жалко мне ее. Мы часто ссорились – я обижался. Она была во многом не права. Но, она – моя мама, и она до сих пор любит меня», – взор туманился от набегающих слез. Владимир

подошел к матери и попытался ее обнять. Она не видела его, но показалось, почувствовала его руки и вся встрепенулась, глаза с надеждой и испугом смотрели вокруг. Он прижался к ее груди, пахло знакомым ароматом детства, цветочными духами и валерианой.

– Мама, мама, не плачь. Я – жив, – тихо проговорил он.

– Володя, милый, ты здесь? Отзовись! Я чувствую: ты рядом! Володя! Сынок! Володя! – кричала она со слезами.

– Володя, Вова, вставай! Нам пора! – протяжный голос матери внезапно перешел в чуть резковатый мужской баритон. Рука Виктора тормозила его за плечо, выталкивая из сновидения, в котором была его мать. – Ты слишком долго спал. А нам пора идти.

Владимир едва разлепил веки, лицо казалось мокрым от слез: «Это был не сон. Я точно видел маму».

– Какой, однако, ты чувствительный... Раньше я за тобой такого не замечал. Ладно, хватит сырость разводить. В пещере и так влажность большая. Нам надо идти. Я устал, поджидая, когда ты проснешься.

В руках у Виктора оказался большой факел. Его пламя ярко освещало все кругом. Виктор приподнял факел выше, и Владимир заметил какой-то темный блеск и шевеление. Показалось, что стены дышат и колышутся, а на него уставились тысячи пар маленьких черных, словно бусины глазок. В этих бусинах отражалось пламя костра и, казалось – эти невидимые создания смотрят очень злобно, мечтая вонзить

зубы в любое свободное горло. А может, кровавая рана Владимира распалила это жестокое желание. Он вздрогнул, мороз пошел по телу, от страха шевельнулись волосы.

– Ну, налетели кровососы, – проговорил Виктор. – А ну, кыш-кыш отсюда!

Послышался неприятный шорох и скрежет когтей о камни. Потом раздался утробный, звериный клекот, и стая летучих мышей, потревоженная демоном, со свистом взлетела в темный потолок пещеры. Она устремилась к невидимому своду, потом упала: кожистые серые крылья неприятно коснулись голов и рук спутников, оскаленные, покрытые короткой шерстью морды, злобно смотрели на Владимира.

– Вы не поняли меня, маленькие вампиры? Ищите себе другие жертвы. Летите в мир подлунный. В нем много крови, там утоляйте свою жажду. Владимир – мой ученик, и этим все сказано! Кыш, отсюда!

От чувства холодящего омерзения Владимир зажмурил глаза. А когда открыл их, то увидел – конец мышинной стаи мелькнул в одной из бесконечных анфилад зловещей пещеры.

Виктор снова взял его за руку и повел в один из длинных коридоров. Под ногами хлопала вода, серые стены, подернутые черной плесенью, тоже казались склизкими. По ним то и дело мелькали юркие змеи, щетинистые многоножки и пауки. Владимир холодел от чувства брезгливости, он опасался, чтобы какая-нибудь тварь не заползла к нему под воротник.

Они шли долго. Наконец уперлись в каменную дверь. Демон слегка нажал на нее, камень со скрипом отворился. В глаза ударил свет.

* * *

Это был не солнечный свет. Свет в этом мире был похож на петербургскую белую ночь. Солнца не было, но не было и тьмы. Легкая серость, влажная дымка, местами клубился туман. Но после мрака пещеры этот мир воспринимался, как подарок. Стояли деревья, вдалеке виднелся лес, луга, дорога.

– Ну как? Не страшно? – спросил Виктор.

– Это и есть Преисподняя? – ошеломленно прошептал Владимир.

– Глупец, это и есть подарок Хозяина для тебя. Ад бывает разным. В нем много этажей. Твоей душе, не без моей проекции, Хозяин предоставил сей этаж. А мог в котел отправить. Чувствуешь, как повезло тебе? Так радуйся и слезы вытри. А то, какой пассаж: кресты, могилки, церкви... Оставь, сей гнусный эпатаж! – Виктор погрозил длинным пальцем перед носом Владимира. – Ты жив, и вечность перед нами. Я многое не стану говорить, чтоб не испортить кейф от пребывания... Излишние познания нам могут навредить. Пока. На этом вот этапе. Твоей души волнения и страх я в игры

завлеку, сплетя все нити нави¹³... Что далее? Скажу потом. Всему своя пора.

Они вышли к дороге. Ноги тонули в мягкой пыли желтого оттенка. По обочинам росли деревья. Они совсем не походили на те, что встречались на среднерусских широтах. Нет, здесь были и березы, и осины, и дубы. Но меж них, словно богатые чужестранцы среди местного «народца», вольготно зеленели каштаны, кипарисы, платаны и даже пирамидальные тополя и пальмы. И сами деревья были чудны: часть их цвела ярким майским цветом, и около цветов копошились крупные пчелы. Движения этих пчел казались более медленными, чем на земле. Иногда пчелы сталкивались друг с другом, производя монетный звон. Владимир засмотрелся на насекомых и чуть не упал, запнувшись о дорожный валун. Ему показалось: пчелы тоже приглядываются к нему и странно шушукуются меж собой.

Другие деревья не цвели, а наливались плодами. Здесь были и яблоки и груши. Причем на одной и той же ветке. Диковинные плоды разнообразных цветов и форм гроздьями свисали с веток. Некоторые образцы он видел впервые. Самым странным было то, что листья на деревьях выглядели, словно неживые. Они были неестественно ровные, блестящие, утолщенные. Казалось, их специально покрыли глян-

¹³ Навь – в источниках по славянской мифологии и фольклору известен термин «навь», означающий мир мертвецов. Мир Нави – это незнакомая нам Явь, так называемый «тонкий мир».

цевым лаком. Владимир никак не мог понять: в чем дело? И тут его осенило: неужели в этом мире нет ветра? Листья не дрожали от легких порывов. Все замерло, словно на бу-тафорской декорации. Теперь они шли по дороге, покрытой хрустящим терракотовым гравием.

– Родной мой, ты потом изучишь: и фауну и флору сих краев. Идем скорее. Я должен тебя к дому привести. Натуралист нашелся! – демон хмыкнул. – А ветер здесь бывает. Но, правда, не всегда... Хочу – бушуют бури, хочу – стоит жара!

Впереди на дороге, откуда ни возьмись, показался крупный, полный господин с русой бородой и пшеничными усами. Одет он был, как зажиточный крестьянин – в кумачовую рубаху, домотканые крепкие штаны, яловые сапоги и безрукавку, отороченную овечьим мехом. На голове глянцевым околышем поблескивал новенький картуз. Красно-ватые, пухлые, подернутые рыжим волосом руки, держали большую корзину. Белая домотканая тряпица прикрывала ивовый обруч.

– А, господин Горохов! Рад видеть вас, – произнес Виктор. – Откуда вы?

– Здравы буде, Магистр! – подобострастно ответил полный господин и низко поклонился. – Вот, лытаю* (см. Приложение. Толкование некоторых старорусских слов.) токмо с устатку, окрест сюзема грибы собираю. Скажу вам: зело лепые грибочки народились. Верите, так и прядали сами в корзину. – Он приподнял край тряпицы – в корзине ле-

жали крепкие боровики, рыжики, маслята.

– Охотно верю, господин Горохов. А с домашними делами вы управились? В лаборатории все ладно?

– Что вы, патрон, зачем же сякое вопрошать? Я – холоп ваш чредимый и присно тщание сподоблен проявлять и бдети, наипаче о лаборатории похимостной. Се бо, яки я дерзну послушаться моего наказателя и окормителя? Сиречь, меня туганить не требно, я и сам могу себя окаяти, ежели от недбальства студа не иму...

– Похвально слышать, – перебил его демон. – Такое трудолюбие и рачение о делах наших скромных делает вам честь, милейший. Разрешите представить: Владимир Иванович Махнев. Теперь он тоже будет вашим соседом.

– Вельми благаю! – улыбаясь, закивал Горохов, глядя то на Владимира, то на Виктора. – А меня Федором Петровичем величают, – важно, переходя на бас, представился путник. – А можно полюбопытствовать о сроке проживания? – неожиданно, совсем не к месту брякнул он и густо покраснел.

– Эх, Горохов, разве вы не помните, за что Варваре на базаре оторвали длинный нос? – отвечал демон.

– Нет, нет, конечно. Простите мою навязчивость. Опять я оплошал.

– Да не навязчивость сие зовется, а любопытство – ваш порок, – усмехнулся Виктор.

Глаза Владимира заметили что-то странное: корзина с

грибами, накрытая тряпкой зашевелилась, в ней что-то пискнуло и приподнялось. Горохова сии метаморфозы ничуть не смутили. Красная ладонь шлепнула по верху, словно утихомиривая кого-то.

– Убо, трожды вельми благоую! Я раб, смердящий от туги и искуса. Вдругорядь сякое вопрошать воздержуся. Разрешите, откланяться? Господин Махнев, милости прошу: заходите ко мне в гости, – уныло промямлил Горохов и поплелся по дороге. Объемистая корзина странно подрагивала в его крепких руках.

– А что он спрашивал о сроке проживания? – поинтересовался Владимир.

– Видишь ли, мой друг, не смотря на то, что жизнь в моих пределах вполне удобна и даже весела, иная душенька, что мышка в шелку, стремится к новому рождению, мечту лелеет искупить грешки «святыми» мыслями, поступками благими...

– И ей дается право? Её надежды не напрасны? – спросил Владимир, чуть затаив дыхание.

– Я сказал, стремится... – бровь демона лукаво приподнялась, красивое лицо вновь исказила усмешка. – Ты о правах забудь навеки. Здесь каждому свой срок определен. Горохов у меня живет уж третий век. И для него сие – болезненный вопрос. Разгадку получить он тщится. Он глуп, и нет, чтобы смириться... Смирением, глядишь бы, отменил себе урок.

Впереди густо стелился туман. Красная крыша, крытая

ровной черепицей, едва виднелась в беловатых клубах, похожих на ватные облака. Владимир и демон вошли во влажную пелену. Туман пах травой, ванилью, кофе и, как ни странно, в нем присутствовал аромат любимого одеколona, английских сигар и легкий оттенок восточных благовоний.

– Чувствуешь, мы подходим к твоему дому. Я обустроил его на твой вкус, – с гордостью изрек Виктор.

Владимир только ошарашено осматривался по сторонам. Пройдя густые, пряные и влажные клубы тумана, они оказались возле невысокого голубого забора. За ним шла зеленая лужайка, цветочные клумбы и сам дом. От удивления рот Владимира приоткрылся. И было, чему удивляться. Они никак не ожидал, что здесь, в аду он сможет зажить в таком добротном и красивом доме. Этот дом чем-то напомнил ему свой собственный в фамильном имении. Конечно, он был меньше, без лепных колонн и острого фронтона. Но все же... Белые, ровные стены, большие окна с разноцветными занавесками, горшки с геранью, аккуратная крыша, второй этаж, небольшая мансарда – все это смахивало на милое сердцу Махнево. Уютный дымок сизой струйкой вился из беленной печной трубы. Крыльцо, украшенное кованной чугунной вязью, вело на крытую резную веранду. Чистые, словно промытые стекла, немного блестели. Белые деревянные рамы украшал легкий растительный узор. Во дворе росли кусты жасмина, сирень, несколько яблоневых деревьев, ближе к дому пестрели клумбы с астрами и еще какими-то

незнакомыми цветами. В глубине двора показался маленький флигель и несколько хозяйственных построек. Взор Владимира чуть затуманился от предательски набежавшей слезы.

– Ба, да у меня déjà vu, от твоего умильного взгляда. Знаешь, кого ты мне напомнил? Шафака! Ты так сейчас похож на него... Та же благодарность во взгляде. Я живо помню то, как он оказался в твоём доме. Тебе льстила восторженность турчонка, его «охи» и «ахи». Не правда ли, приятно ощущать себя щедрым хозяином, на которого смотрят восторженные глаза несчастного раба?

– Шафак не был несчастным... Я слишком баловал его, – возразил Владимир, краснея.

– Угу, как балуют любимую игрушку иль собачку. У попа была собака, он ее любил, она съела кусок мяса, он ее... Ах, это не из этой оперы. Ну ладно уж, любил. Ну, а зачем же бросил одного в лесу? Ты думал, он найдет в нем колбасу, иль хлеба раздобудет на березе? С собаками и то не поступают так. Хотел ты, чтобы турок постройнел? А турок чуть с тоски не окошел...

– Может, хватит попрекать меня Шафаком? Ведь не я его, а он меня убил.

– Будь поумнее ты и с меньшею гордыней – не стал бы хвастать множеством клинков. Да это все равно, что цыгана поставить сторожем в конюшне рысаков. Итог один: и цыган лошадей угонит, булату турок тоже применение найдет.

– Да и не турок был он вовсе! – досадливо отмахнулся Махнев.

– Но с детства жил в Османии, а стало быть, тех мест он нравы все-таки впитал. А ты, как слабоумный... басурманину(!) коллекцию оружия достал!

Они зашли в дом. Обстановка походила на его собственные комнаты в имении – дорогая итальянская мебель, гобелены, картины, бархатные шторы. Просторная столовая с камином, гостиная, библиотека с приличным собранием книг, пара комнат для гостей – все это находилось на первом этаже. Поднялись на второй этаж. Широкая кровать с балдахинном, высокие стулья цвета вермильон¹⁴, мягкие кресла и пате¹⁵ – все это сильно напоминало обстановку банной горницы в его поместье. Блестящий трехногий столик приютил замысловатый бронзовый турецкий кальян. Рядом лежали длинные костяные и бамбуковые курительные трубки, стеклянная масляная лампа нежнейшего бирюзового оттенка для поджигания опиума, каменные чаши, и досканец¹⁶ с папиросами. Причудливые цветы фуксии, лаковые иероглифы и крючковатые клювы диковинных жар-птиц, танцующих по бокам блестящей лампы, приковывали любопытный взор.

– Я даже опий и гашиш здесь приготовил для тебя. За-

¹⁴ Вермильон – ярко-красный, цвета алой киноvari. От французского «vermillon»

¹⁵ Пате – род мягкой мебели, табурет с мягким сиденьем.

¹⁶ Досканец – ящичек, ларец, табакерка.

чем же грешника лишать достойного занятия? Правда, хочу предупредить, что адские наркотики действуют немного иначе...

– Да? И как же?

– Ну... как тебе сказать. Возможно, позже сам поймешь, возможно, эта одурь не понравится – другого зелья точно не найдешь. Хотя все леса и доли здесь облазишь, к торговцам обратишься, вот беда – другого опия никто не предоставит. Ах, впрочем, это – ерунда...

– Я тоже так думаю. К чему мне опий в адском царстве? Какая разница, какой он?

– Как сказать... Запомни, Вольдемар, здесь все – иное. И чем закончится никак не угадать, – глаза Виктора сверкнули, – ты новичок здесь и поэтому не знаешь, насколько этот мир отличен от того, где ты недавно жил. Пойми, здесь все непредсказуемо: меняет формы, цвет и запах. Приходят образы, уходят образы – здесь не статично все и нелогично даже.

– Не больно много логики я видел и в подлунном мире, – грустно вздохнув, промолвил Владимир.

– Ты это зря! Довольно предсказуемо там было многое, поверь... Как только ты родился, тебя уж сразу и любили – отец, мамаша, тетушки, прислуга, мамки-няньки. Крестьяне верные пахали на тебя. Любили бабы, Глашка полюбила. В том мире постоянным было все. И если не все, то многое. По крайней мере, для тебя. Ты только глазоньки открыл, к тебе

уже бежали, чтобы одеть, умыть и кудри расчесать. Искусный кухарь булки пек умело. И запах кренделей, и запах ветчины – все постоянным было и... никаких сюрпризов не таило. Весной цвели деревья, а к осени колосья зрели. А после ночи утро наступало. А здесь – иное все. И движется иначе. Откуда все приходит, в чем смысл, в чем удача? Ты не узнаешь, не поймешь, тем паче сам себе не сможешь объяснить. А в прочем, сам потом увидишь.

– Ну и ладно. Хватит, уж меня стращать. Я так устал от суеты земной, что с удовольствием здесь век свой скоротаю.

– Ну, вот и славно. И зачем страдать? Мне по душе спокойный твой настрой. Жаль, но суеты и здесь не избежать. Я не шучу, философ мой. Спокойно лишь в раю... Сие – не наше дело. У каждого свой вкус, но что до моего – в раю скорее скучно. А здесь, я обещаю: скучать совсем не будешь, и право не грешно и здесь заняться блудом... Ну, а что? Ты снова удивлен? И здесь найдутся бабы, и даже мужики, которые охотно избавят от тоски.

Владимир еще раз окинул глазами спальню. На стене висели портреты обнаженных дам, их роскошные тела покоились в достаточно фривольных позах. Посередине стены, среди обнаженных прелестниц висел портрет самого Виктора.

– Не удивляйся. Я оставил свой портрет. Ты всюду под моим присмотром. Но спальня – особое место. Здесь я оставил свои... глаза. Мой портрет, если ты, конечно, не против, бу-

дет наблюдать изредка за тем, что в ложнице твоей творится. Я знаю, что ты равнодушен к оргиям и любишь, чтобы кто-то наблюдал со стороны. Так вот, я иду на поводу у твоих наклонностей, – демон шаловливо улыбнулся. – Ладно, ты ко всему привыкнешь понемногу. Пойдем-ка лучше выпьем за знакомство.

Они спустились в столовую.

– А что, я здесь смогу есть и пить? – спросил Владимир. Будто в ответ на вопрос, у него заурчал голодный желудок.

– Да сможешь, если будет желание. Сможешь силой мысли заказать еду. Но этому надо еще научиться. Пока твоя воля и мысли слишком слабы, чтобы заказать что-то приличное. Ладно, я помогу.

Виктор шелкнул пальцами, и на деревянном столе появилось блюдо с нарезанной ветчиной, ваза с фруктами, хлеб, ноздреватый сыр и пыльная бутылка старого вина, запаянная сургучной печатью. Виктор откупорил бутылку, холодная пеннистая струя темно-красного вина наполнила бокалы, пахло терпкой вишней и виноградной лозой.

– А не плохой букет, однако! – пригубив вино, Виктор зажмурился от удовольствия, – это вино я достал из собственного погреба. Знаешь, иногда я балуюсь виноделием. Этот экземпляр лежал в моем подвале с 1450 года. Хотя, в моей коллекции есть вина намного старше.

Владимир удивленно округлил глаза.

– Да-да, именно в том году на Аппенинах был славный

урожай. Я и воспользовался. Запасся парой сотен бутылок. Я такие вещи не доверяю никому. Сам за всем досматриваю. Отжимом занимаются самые красивые девушки, они пляшут на бочках со спелыми гроздьями. Мои помощники следят за суслом, купажируют, если нужно, очищают, фильтруют. А я дегустирую. Это – очень хлопотное занятие. Зато, какое качество! Да и к тому же, я могу быть всегда уверен в том, что меня не отравят по злодейскому умыслу. Шучу, шучу! Я сам кого угодно отравлю. Кажется, мы отвлеклись. Ты пей.

Владимир поднес ко рту бокал, но на минуту замешкался: волновала рана.

– Не думай, рана затянулась. Здесь время идет иначе. Я обещал тебе: пару дней пройдет, и она затянется. Так вот, на земле уж больше дней прошло. Пей и не бойся. Тебе порезали лишь горло. А ты представь, когда голова и вовсе отлетела – отсечена на плахе топором. Так, те несчастные довольно долго трогают ее и опасаются притом, чтобы она срослась покрепче и больше не отпала. Не бойся – твоя рана легче.

– Легче? Вы опять смеетесь? Ее хватило, чтобы умереть, – Владимир отхлебнул несколько глотков, по телу разлилось приятное тепло. Стало немного грустно, глаза снова увлажнились.

– Не грусти, Вольдемар. Давай выпьем за твое... Ну, за здоровье пить бессмысленно, – демон хихикнул, – а выпьем мы за новоселье.

Они снова выпили. Тяжелые мысли стали покидать голову

Владимира. «А что, может, не так все и плохо? И сам черт – не брат. Или брат?» – размышлял Владимир сквозь пьяный дурман.

Сам собой вспыхнул огонь в камине, затрещали сухие поленья, пламя осветило красивое лицо Виктора. Он снова улыбался.

– Брат, брат. И черт к тому же, – кивнул демон.

«Надо быть аккуратней, он слышит каждую мысль», – сообразил Владимир. Вино кружило голову.

– Ха-ха, мне так смешно. Раз я слышу каждую твою мысль, зачем же их таить? Я все равно услышу!

«Сидит, красуется. Уж больно он хорош. А где его рога, копыта, хвост?» – Владимира разбирало острое любопытство.

В ответ на эти рассуждения раздался мощный щелчок об пол, словно удар хлыста распорол воздух. Владимир замер, его неумолимо тянуло глянуть вниз. Он устыдился своего порыва и выждал несколько минут, едва сдерживаясь. Рука умышленно подтолкнула вилку к краю стола. Вилка со звоном упала на каменный пол. Он наклонился, чтобы ее поднять и увидел то, о чем смутно догадывался: из-под длинного плаща Виктора, дрожа и дерзко поигрывая, торчал внушительный волосатый... хвост. Вместо кожаных ботфортов на ногах оказались... раздвоенные копыта. Демон слегка постукивал ими, хвост то скручивался в спираль, то загибаясь кренделем, ложился возле ног.

Владимир, дрожа всем телом, распрямылся. Он боялся посмотреть в лицо Виктора. А тот, будто нарочно, опустил русую голову. Среди волнистых, чуть рыжеватых кудрей двумя небольшими шишками бугрились... рога.

– Все на радость моего дорогого протеже. Захотел рога – будут тебе рога! – демон благодушно хохотал.

У Владимира кружилась голова, пламя камина дрожало в глазах – лицо демона плыло где-то рядом. Виктор улыбался белозубой улыбкой, потом лицо вздрагивало и начинало расплываться. Вместо человеческого облика появлялся черт. Он еще хитрее подмигивал, в уши назойливо лез его сумасшедший хохот. Потом кружение прекратилось.

– Ну, хватит. Пойдем во двор, я познакомлю тебя с твоими стражами, – отчеканил демон. – На сей раз без смеха.

Владимир, пошатываясь, пошел за ним. Его взгляд снова скользнул по ногам Виктора. Копыт уже не было. На ногах снова красовались кожаные ботфорты. Исчез и хвост. Они вышли на крыльцо. Виктор залихватски свистнул. И тут же, откуда-то из глубины двора послышался то ли глухой скрежет, то ли хлопанье крыльев...

Владимир остолбенел от страха. К ним бежали странные существа – их было двое. Это были даже не существа, а настоящие чудовища.

– Кто это?! – прокричал Владимир и закрыл лицо руками.

– Не бойся. Это – горгульи, твои стражницы. В нашем мире они исполняют роль цепных псов. Я создал их специаль-

но для тебя. Они знают с детства – ты их хозяин, и будут служить долгие годы. Учтя твой нежный нрав, я специально создал самочек. Открой глаза, посмотри, как они рады тебе. Они же – прелесть!

Владимир открыл глаза и опустил руки. Теплые, упругие носы тут же ткнулись в его ладони, длинные, шершавые языки облизали пальцы. Теперь Владимир с опаской рассматривал этих неземных созданий. Одна горгулья была скорее похожа на кошку: та же мягкая шерстка, бело-рыжий окрас и кошачья морда с круглыми красными глазами. От обычной кошки ее отличали большие размеры, свирепый вид и хвост, похожий на тигриный, в темную полоску. На спине красовались крылья. Они были не очень крупные и без шерсти, но тоже с бело-рыжими пятнами на кожистых перепонках.

Другая горгулья казалась почти черной, с белыми пятнами. У этой голова походила на птичью – мощный клюв венчал страшную пасть. Тело черной горгульи покрывали блестящие перья.

Обе свирепые стражницы ластились к ногам Владимира, словно домашние собачонки.

– Да погладь, ты их. Не бойся, не укусят. Они так преданы тебе.

Дрожащая ладонь Владимира опустилась на головы этих странных созданий. Пальцы нерешительно почесали за ушком сначала одну горгулью, а потом другую. Раздался утробный клекот и повизгивания. Два гибких хвоста виляли, слов-

но у собак, приветствуя хозяина, ушки вздрагивали от радости, крылья вздымались и тут же опускались. Горгульи прижимались к его ногам, шумно дышали. Штаны и руки испачкались их горячей слюной.

– Довольно. Кыш. Идите-ка на место, – приказал Виктор, – они будут хорошо охранять тебя и слушаться во всем. Когда услуги их тебе нужны не будут, они превратятся в камень. Ты позовешь их – они снова оживут. Приятные создания. И ни забот и никаких хлопот, и кушать не попросят. Если только сам ты пожелаешь угостить милашек, то с радостью воспримут угощение.

Горгульи, поджав хвосты, немного разочарованно потрусили в глубину двора.

– Ну что же, Вольдемар. На этом мы простимся. Пойди поспи немного. После я приду. И постепенно расскажу о цели пребывания... в аду. Если проснешься раньше, а меня не будет рядом – не теряйся. Сходи, немного прогуляйся. Здесь лес и поле, речка даже есть. Здесь есть соседи – всех не перечесать. Одно прошу – будь, Вова, осторожней. Здесь доверять не стоит никому. Ну ладно, ты поймешь чуть позже: откуда что, зачем и что к чему, – Виктор еще раз улыбнулся, задрожал и пропал. Только легкая струйка дыма рассеялась в воздухе.

Владимир вернулся в дом. Вокруг была тягостная тишина. «Я до сих пор не могу прийти в себя. Во-первых, я – умер, во-вторых – живой. Живу в аду. Но ад-то не простой... Что

дальше ждет меня?» – печалился он.

Он поднялся на второй этаж в спальню. Около стены стоял комод, над ним висело большое зеркало. Владимира тянуло посмотреться в него. Он глянул. Вид в зеркале был обычный, как при жизни, только волосы чуть взлохматились, и взгляд выдавал беспокойство – в глазах поселилась тревога, темные круги на веках говорили о смертельной усталости. «По сути дела, в зеркале моя душа. А тело? И тело вроде прежнее. А могло бы быть другое. Но Виктор, кажется, сказал, чтобы я оставил это. А что? Несмотря на усталость, оно не так уж плохо смотрится. На шее шарф мешает. Надо бы взглянуть на рану, но что-то страшновато». Пальцы потихоньку отогнули край шелкового платка – за ним не было ни крови, ни страшной раны. На месте пореза осталась лишь тонкая, едва заметная полоска. Он снял шелковый платок. Платок упал на пол, немного полежал, а потом превратился в пеструю живую змейку и уполз в щель между стеной и полом. «Вот, бесовщина! Зарезали, а я – живой. И где теперь убийца мой? Ах, Шафак – Шафак, как грустно мне! Я делал все не так», – безрадостные мысли одолевали душу.

Он снова пристально посмотрел в зеркало: отражение вопреки его собственному желанию нахмурилось, злобно посмотрело на хозяина и скорчило противную гримасу. Владимир отпрянул от комода. «Да уж, в этом мире не соскучишься. Захочешь – не дадут!»

Он подошел к кровати, лег, не раздеваясь. Пока подвохов

больше не было. Тяжелый сон затуманил голову и смежил усталые веки.

Глава 2

Он так и не понял, сколько времени продолжался этот крепкий сон. Глухой стук заставил пробудиться. Владимир открыл глаза – стук усилился. Было впечатление, что стучат в деревянную дверь. «Черт, как не хочется вставать! Кого это несет ни свет ни заря?» – он повернулся на бок, хмурый, сонный взгляд скользнул по бархатной портъере.

«Где все слуги? Неужели никто не может открыть? – рука пошарила в поисках колокольчика. И тут он все вспомнил. – Господи, я же умер!»

За окном стояла все та же сероватая мгла. «Белые ночи! Прямо, как летом в столице. Как я наслаждался белыми ночами и одновременно ненавидел их! Это было так давно, словно в другой жизни. Дурак! Это и была другая жизнь!» – он горько усмехнулся. – «Зато в этой покоя не дают уже с утра. Полно, а утро ли сейчас?».

Владимир откинул одеяло и сел. Оказалось, он был одет в довольно приличные светло-серые брюки и свежую шелковую сорочку. Ни грязи, ни следов крови не было и в помине. Возле входа в комнату стояла пара добротных яловых сапог.

«Вот бесовщина...» – едва подумал он, как повторный стук заставил его вздрогнуть.

Пришлось обуться и спуститься вниз. Он вышел на крыльцо. Возле крыльца сидели обе горгульи и, злобно рыча, смот-

рели на ворота. За воротами маячило что-то пестрое.

– Месье Махнев, откройте. Это я, ваша соседка, – прозвучал приятный женский голосок, – отгоните стражников. Я их боюсь.

«Я их и сам боюсь», – прошептал Владимир, а вслух крикнул:

– Да, да, конечно. Я сейчас открою!

«Как мне отогнать горгулий? Интересно: у них есть имена?» – озадачился Владимир.

– Стражники мои, кис-кис. На место, – неубедительно промямлил он.

На удивление: обе горгульи тут же перестали рычать. Преданные и любящие глаза уставились на незадачливого хозяина, хвосты виляли от радости, словно запущенные метрономы.

– Спасибо, девочки, за охрану. Киски, идите пока к себе. Я позже вас позову.

«Киски» радостно потрусили вглубь двора. Калитка распахнулась, а на пороге появилась дама. Трудно было определить ее возраст. Вначале показалось – ей лет двадцать. Потом, когда она приблизилась, он подумал, что ей должно быть около тридцати. Она была очень недурна собой. Плотный корсет шелкового платья цвета берилла хорошо подчеркивал стройную фигуру. Французский кипенно-белый гипюр обрамлял глубокое декольте, открывающее волнующий, пышный бюст. Из-под милой летней бланжевой шляпки мяг-

кими локонами спускались каштановые волосы. Бисквитный парасоль, кружевные перчатки, тонкий носик, нежный овал лица и темные распахнутые глаза – все это чертовски понравилось Владимиру. Он даже немного растерялся, увидев на пороге своего «адского дома» столь прелестное создание. «Ба, а здесь вовсе не так плохо, как могло бы быть», – подивился он. А милая дамочка лучезарно улыбнулась.

– Позвольте войти, месье Махнев?

– Да, да, конечно. Милости прошу, мадмуазель... – он запнулся.

– Вольдемар, я давно не мадмуазель, а мадам. И зовут меня Полин Лагранж. Я русская, но мой последний муж был французом. Отсюда и фамилия – Лагранж. Ах, как я рада нашей встрече. Я ваша ближайшая соседка и довольно слышана о многочисленных достоинствах хозяина этого дома, – она кокетливо протянула ручку для поцелуя, длинные ресницы вздрогнули, томный взгляд карих глаз скользнул по лицу Владимира.

– Я тоже очень рад знакомству. Милости прошу ко мне в дом, – молвил он и галантно поцеловал тонкую кисть, облаченную в кремовую кружевную перчатку. Пахнуло вербеной, пудрой и еще чем-то неуловимым.

«Однако какая женщина, и взгляд-то какой», – сердце забилось еще сильнее в предвкушении близкого знакомства. Она впорхнула на крыльцо, изящно приподняв край пышной юбки – обнажилась узкая ножка, одетая в светлую бархатную

туфельку на высоком каблучке.

«Какая маленькая ножка... Я точно сегодня овладею ей, – смело решил Владимир и сам поразился своей наглости. – Хорош гусь! Не успел умереть, как снова ХОЧУ! Эти бабы точно сведут меня с ума. Даже здесь от них нет покоя».

– О, у вас так мило! – гостья все также улыбалась, поигрывая сложенным зонтиком.

Она вышла на середину комнаты и, водрузив парасоль в виде тросточки, кокетливо обошла вокруг. Эти хитроумные реверансы позволили Владимиру хорошенько разглядеть ее тонкую талию и аппетитные, крутые бедра. Полин остановилась, вздернула носик, любопытный взгляд прошелся по внутреннему убранству дома. – Вольдемар, я сужу по этому дому, что в прошлой жизни вы жили весьма недурно и имели изысканный вкус. Виктор, наш общий знакомый, как правило, обустривает жилища своих подопечных согласно вкусам последних, либо учитывая их пожелания. Надеюсь, что когда-нибудь я увижу вас и у себя, в моем скромном особняке.

– Проходите, Полин. Чувствуйте себя, как дома.

– Как вам спалось?

– Да как сказать? Спал я крепко, но так и не понял: какое время суток проспал. Ни английских консольных часов, ни брекетов¹⁷, ни даже шварцвальдиков¹⁸ с кукушкой я здесь не

¹⁷ Брекет – карманные часы большой точности. Название произошло от названия выпускавшей их французской фирмы «Брекет». Они напоминали о времени боем.

заметил. Проснулся, а за окном все тот же серый день, похожий на петербургскую белую ночь.

– Мой дорогой, часов вы здесь и не увидите. Главные ЧАСЫ находятся у Виктора. У этих часов два круга. Один отмеряет внутреннее время. О нем не положено знать местным обывателям. Внутреннее время течет неодинаково, хаотично, вернее так, как этого пожелает Магистр. И поэтому, мы никогда не знаем, сколько продлится этот унылый серый день. Вы так метко его охарактеризовали: петербургская белая ночь. И между тем это – местный день. А бывает, что среди дня вдруг надвигаются густые сумерки. Наступает ночь. Она тоже длится очень долго – заснешь, долго проспешь, откроешь глаза – а на дворе все та же угольная чернота. От этой путаницы голова идет кругом. Знаете, у меня первое время были жуткие мигрени. А главное: среди крошечной тьмы на небе висит эта чертова луна. Цвет ее – чаще красный, реже желтый так зловещ, что я стараюсь во время длительной ночи даже на улицу меньше ходить, – лицо Полин немного погрустнело. – Другой круг, а вернее круги этих часов – это время каждого из нас. Причем идут они для каждого по-разному. У кого-то бегут, словно сумасшедшие, принося морщины и седые волосы, у кого-то идут вспять, а

¹⁸ Шварцвальдики – настенные часы. Шварцвальд – одна из областей Южной Германии. Символом Шварцвальда стали настенные ходики с ярко раскрашенной циферблатной плитой (их любовно называли "шварцвальдики"). Такие часы были надежными и дешевыми, пользовались популярностью в России в середине 19 века. (Примеч. автора)

у некоторых, – она понизила голос, – например, у господина Горохова, они и вовсе почему-то стоят.

– Да уж, Виктор верно говорил, что здесь все непредсказуемо.

– Виктор всегда знает, о чем говорит. Непредсказуемо – это еще мягко сказано. Не забывайте, вы не в раю, и не в божьем мире. А время... Вы даже не представляете, как его хаос может извести любого. О, эта мука не так уж и безвинна. Магистр заключил сделку с Хроносом¹⁹. В собственном царстве он сам судья и властитель каждой секунды. Он сам запускает и останавливает весь механизм, сам открывает и сворачивает пространство. Мы – лишь жалкие его рабы, и не нашим грешным душам трепетать в ожидании утра, – Полин попыталась улыбнуться, но ее улыбка вышла отчего-то слишком натянутой и жалкой. – Вольдемар, вы уже фрыштикали²⁰? – вдруг нарочито бодро спросила она, решив сменить тон и тему разговора.

– Нет, не успел. Видите ли, я только проснулся и к тому же, готов признаться: не совсем еще привык к новой жизни.

– О, я уверяю: вы привыкните. Хотя признаюсь честно, – она перешла на шепот, – я тут давно, однако ко многому, –

¹⁹ Хронос (др. греч. Χρόνος, «время») – божество в древнегреческой мифологии и теокосмогонии, управляющее временем.

²⁰ Фрыштикаль или фриштикаль – завтракать; «фрыштик» – завтрак. Произошло от немецкого «frühstück» – завтрак, закуска. «Петербургский русский никогда не употребляет слово: "завтрак", а всегда говорит «фрыштик», особенно напирая на звук «фры» – Достоевский Ф. М.

она протяжно вздохнула, – ко многому я до сих пор привыкнуть, ну никак не могу.

– Ладно, Полин, нам не стоит грустить. Я думаю: не так-то все и плохо. Увидев вас, я воспарил духом. Раз здесь живут такие красавицы, значит для меня не все потеряно.

– Спасибо, месье Махнев. Вы так любезны, – ее лицо немного оживилось, а щечки порозовели от легкого смущения, – а давайте вместе пофрыштикаем.

– Давайте, – выпалил он радостно. Спустя мгновение его взгляд стал несколько растерян. – Наш общий знакомый объяснил мне вчера, что еду я должен заказывать усилием воли. Все это замечательно. Но черт его знает, если честно, я еще не пробовал, как это делается.

– Я подскажу вам, мой друг. Вы должны мысленно представить то блюдо, кое желаете увидеть на своем столе. Чем четче будет заказ, тем больше это блюдо будет соответствовать вашим вкусовым предпочтениям, – Полин лукаво улыбнулась, – правда, вначале у многих совсем не получается сие кулинарное действие. Здесь нужна небольшая практика. Вольдемар, вы очень талантливы, и ваше воображение развито намного лучше, чем у многих смертных, а потому с легкостью справитесь с задачей. Итак, напрягите внутреннее зрение, сделайте заказ, щелкните пальцем – и мы приступим к фрыштику.

«Легко сказать», – раздумывал он, волнуясь.

Махнев подошел к широкому столу, зажмурил глаза, в

воздухе прозвучал сухой щелчок. Послышался удар тарелки об стол, затем что-то чавкнуло, булькнуло и шумно плюхнулось, фонтан мокрых брызг окатил лицо и руки. Он открыл глаза: Полин лежала на другом краю стола, ее тело дрожало от смеха. То, что появилось на столе, произвело странное впечатление на Владимира: на плоской деревянной тарелке красовалось бесформенное, желеобразное месиво подозрительного бурого цвета, источавшее запах болотной тины. Оно не просто лежало, оно дышало, колыхалось и булькало. Множественные пузырьки вздувались по его поверхности, лопались, выпуская пары серного газа. Вместо ложки и вилки рядом с блюдом валялись обглоданные кости какого-то животного. Стояли тут и чашки, наполненные вонючей коричневатой жижей.

– Вольдемар, позвольте узнать, а что вы заказали? – еле проговорила Полин, давясь новыми приступами смеха.

– Я заказал яблочный пудинг со сливками, булочки с ванилью и кофе, – обескуражено обронил он.

– Не переживайте. Сейчас все исправим. Я же говорила: здесь нужна практика, – она едва справилась со смехом.

Гостья решительно встала, раздался негромкий щелчок, и все жуткое безобразие, сотворенное Владимиром, вмиг исчезло. На столе появилась белая, крахмальная скатерть, две фарфоровые тарелки с горячим яблочным пудингом, серебряные вилки, ложки, ножи. Рядом стояла ваза с фруктами: яблоками, персиками, виноградом. Свежая сдоба издавала

легкий аромат ванили. В масленке плавилось желтое масло. Серебряный сливочник был до краев наполнен тугими матовыми сливками. Легкий дымок от кофе врезался в ноздри, вызывая зверский аппетит.

– Мой друг, давайте, наконец завтракать, – произнесла Полин уже без смеха. Она нежно улыбалась, глядя на Владимира.

– Милая Полин, и что бы я без вас делал!

– О, это – пустяки. Для меня это – сущее удовольствие – накормить такого прекрасного мужчину, как вы. Если пожелаете, я буду все время вам готовить.

– Спасибо, Полин. Мне, право, неловко вас так обременять. Но я с удовольствием подумаю над вашим предложением, – он пылко и многозначительно посмотрел на даму.

Они приступили к фриштику. Махнев готов был признаться, что вся еда была вкусной, свежей и к тому же очень аппетитной. Он ел сладкий пудинг, смакуя хрустящую корочку, политую свежими сливками, и запивал его черным кофе. После еще одного, довольно мягкого щелчка появилась бутылка соломенной мадеры. Полин наполнила хрустальные бокалы и, глядя бархатными глазами, протянула один Махневу.

– Давайте, Вольдемар, выпьем за наше знакомство. Я несказанно рада, что вы наконец появились здесь. Думаю, со временем мы узнаем друг друга ближе...

«Какого черта со временем? Я уже сейчас ее хочу, – раз-

мышлял он, пьянея, – странно, я и здесь не перестаю ощущать знакомое чувство вожделения. Мне кажется, оно даже сильнее, чем при жизни. Чресла горят огнем так, словно я был в далеком походе и не видел баб, по меньшей мере, полгода».

Владимир скосил глаза на брюки – они вздыбились между ног, оттопыривая шерстяную ткань.

«Хорошо, что Шафак ЕГО от злости не отрезал. Хотя, горло-то затянулось, значит и ОН бы заново вырос. А вдруг бы не вырос? А вдруг бы новый был меньше и хуже? Нет, со своим – оно спокойней как-то».

Полин перехватила его взгляд и покосилась на оттопыренную ткань. Плутовская, блудливая улыбка пробежала по полным губам, открытая грудь задышала чуть сильнее. Было видно, что ей безумно хочется близости красивого соседа. Она решила немного оттянуть восхитительный миг, а потому резко встала. Поигрывая бедрами, прошлась по комнате. Карие глаза внимательно рассматривали старинные картины, нежная ручка, облаченная в кружевную перчатку, не выпускала бокал светлого вина. Она то и дело подносила его к губам, делала несколько глотков и снова нарочито внимательно рассматривала художественные полотна.

«А эта красotka – не промах. Вон, как бедрами виляет. И провалиться мне на этом месте, если я сейчас ей не вдую, как следует. Хочу, чтобы эта кареглазая кошка застонала подо мной, как стонали все мои любовницы», – строил планы

Владимир, зверея от страсти.

Он встал и, подойдя к ней, обнял сзади: сильные руки почти сжали тонкий стан, упругий гость решительно потерялся о бедра. Она повернула лицо, легкий поцелуй холодных и прямих от вина губ, заставил вздрогнуть.

– Володя, не торопитесь. Давайте присядем. Вы совсем меня не знаете... – пролепетала она нерешительно. Её дыхание участилось, бессмысленный, затуманенный взгляд устался на то место, где упруго дыбился внушительного вида фаллос. Было заметно, что она едва владеет собой от страшного вожделения.

– Для того чтобы влюбиться в женщину, совсем не обязательно знать все ее тайны. Напротив, флер таинственности несет в себе массу удовольствия. Разгадывая загадки, ты постепенно раздеваешь женщину, снимая с нее по очереди все детали туалета. Женщина без тайны – голая женщина, которая стоит на торговой площади на общем обозрении. Такую вряд ли будешь вожделеть, – промолвил Владимир, заглядывая в ее глаза. Он намеревался взять Полин на руки и отнести в спальню.

Кружевные ладошки ловко перехватили протянутые руки, Полин увернулась и отскочила в сторону.

– Вольдемар, видите ли, здесь так не принято. Я обязана рассказать вам, почему я сюда попала. Это... это условие Магистра. И если у вас после моего рассказа останется еще желание близости, то я буду очень счастлива.

– Полин, излишняя демагогия и словесные прения вызывают лишь изжогу, а не вожделение.

– И, тем не менее, я – обязана. Так вот: я здесь потому, что на «Том свете» у меня было... восемь мужей. Многих это удивляет: отчего так много?

– Да уж, – Владимир усмехнулся, – Полин, вы содержали мужской гарем?

– Нет, – ответила она и покраснела. – Вольдемар, как вам это в голову могло прийти? Я же не султанша. Я – русская и жила преимущественно в России. Просто... мои мужья умирали один за другим.

– Как? Все восемь? У вас была эпидемия?

– Я – «черная вдова». Мне приходится быть откровенной. Сразу после женитьбы каждый из них начинал чахнуть и постепенно умирал, – она жеманно всхлипнула.

– Не понял, вы их голодом морили?

– Нет, я их... любила слишком часто и истово. Они не выдерживали силы моей страсти. Виктор сказал, что у меня темперамент Мессалины.

Махнев от души расхохотался.

– Да уж, вы меня позабавили. Как жалко, Полин, что мы с вами не встретились раньше, и наши судьбы не пересеклись. Я уверяю, меня бы вы не измотали любовной скачкой. Ваши несчастные мужья, очевидно, были слабаками.

– Не все из них были хрупкого телосложения. Скорее – наоборот. А с вами, Вольдемар, мы никак бы не смогли встре-

титься в последней жизни. Дело в том, что я вас... намного старше.

– Полин, вы ждете от меня комплиментов? Я вам их скажу. Вы – просто красавица. Вы – юны, хороши и свежи, словно садовый персик.

Она легко улыбнулась и кокетливо вздохнула.

– И это еще не все.

– Ну, что еще? Чем вы еще хотите меня напугать? – Владимир дурашливо округлил глаза.

– Я обязана. Таков уговор. Кроме мужей, у меня было много любовников.

– Отлично! Сие обстоятельство прибавляет вам больше цены! Еще чем удивите?

– Кроме любовников... я бегала к гусарам. Я занималась любовью со многими... одновременно.

– Да?? А отчего вы так краснеете? От ваших откровений мой жеребец скоро прорвет ткань крепких штанов. Дерзну угадать: вы любили содомию?

– Да, и это тоже, – она опустила длинные ресницы и задышала еще чаще.

– Жалко, что со мной нет верного друга – моего приказчика. Вдвоем мы бы вполне удовлетворили все ваши изыски. Вы бы еще пощады запросили... Полин, признайтесь, – Владимир подошел ближе. – Смею надеяться, вы любили «двойное вторжение» двух очень внушительных орудий?

Щечки Полин заалели густым румянцем. Она не ответила

Владимиру, а только судорожно слотнула, густые ресницы дрогнули в ответ на дерзкий вопрос.

– Хватит рассуждений. Пойдем наверх, в спальню.

– Нет, стойте... А вдруг я разочарую вас? Вдруг я не та, за кого себя выдаю? Порой страсть отнимает разум, – глаза Полин потемнели.

– Только не у меня, – с жаром ответил Махнев. – Такая красавица не может разочаровать, – он протянул руки.

– Стойте. Скажите, хоть пару слов о себе.

– Вы же сами говорили, что наслышаны о моих достоинствах.

– И все же...

– Всех моих грехов не перечесать. Грешить я начал лет с... двенадцати. Не сосчитать всех девушек, которых я лишил невинности, не сосчитать всех женщин, которых обманул. Курил я много опия, устраивал оргии. А в конце своей короткой, но такой насыщенной удовольствиями жизни я испробовал любовь мужчины. Правда, он был – кастрат, и он меня убил в итоге.

– Как кастрат? Он был без пениса? – глаза Полин округлились от удивления.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.